

Оппозиция оппозиции

В Калининград лечу с непонятными чувствами. Оппозиционный митинг на 20 марта отменен. Причем не властью, а лидерами оппозиции. И об этих самых лидерах теперь говорят: их развели, купили, они — предатели...

После моих публикаций о Калининграде друзья, коллеги и знакомые — чуть ли не в один голос: «Ну что? Как всегда все — зря? Сдулась оппозиция?»

То есть теперь Москва судит провинцию, и со всей строгостью закона, который к самой себе не относит. Такое впечатление, что мы здесь, в Москве, сидим в партере, а Калининград на сцене исключительно для того, чтобы нам понравиться, разыгрывает некое действо. А мы: «О, нет! За смелость — двойка! За артистизм — ну ладно, так и быть, пять целых, шесть десятых». Мы всё знаем достоверно, а они там все безумно далеки от понимания истинного смысла происходящего...

Моя же позиция (оговорюсь сразу) крайне субъективная. Но ведь объективность — не альтернатива субъективности. Скорее сумма субъективностей...

И вот ради этой самой «суммы субъективностей» я и лечу в Калининград.

Итак, день первый, пятница, 19 марта, полдень

В Калининградском аэропорту меня встречает, как и в прошлый раз, месяц назад, Костя Рожков, главный редактор газеты «Светлогорье». Костин друг на своей машине привозит нас в гостиницу. Мы прощаемся, но вскоре друг звонит Косте и говорит: «Только-только отъехал от гостиницы, как меня остановила милиция и полчаса обыскивали, абсолютно все перетрясли в машине... Первый раз со мной такое в городе. По-моему, это из-за вас... Наверное, пасли от аэропорта»...

А в день отъезда, в воскресенье, 21 марта, в девять утра, нашу машину уже с другим водителем опять останавливают милиционеры. Я говорю: «Подождите, сейчас запишу на диктофон разговор с милицией...» Нас отпускают тотчас же, даже не взглянув на документы водителя, и милиционер передает кому-то по радиации: «Они едут по улице Дмитрия Донского...»

И в день приезда, и в день отъезда отношу это к тому, что все нервны, взвинченны, какая-то тревожность разлита в воздухе...

Костя Рожков говорит: «Оппозиция в Калининграде — это не только Дорошок, Махлов, Гинзбург. Есть и другие люди. Они не в той коалиции, которая сейчас уже развалилась. Но они и не вчера в оппозиции нарисовались. Это демократы с конца восьмидесятых. Женя Лабудин — один из них».

Евгений Лабудин, сорок восемь лет, недавно еще начальник участка строительной организации, сегодня безработный, высокий, большой, бородатый, очень смешной...

Еще в 1988 году Лабудин организовал самый первый калининградский митинг: за отмену 6-й статьи Конституции. Потом лично снимал советский флаг с крыши мэрии 21 августа 1991 года — Советский Союз к тому времени еще никто не отменял, но Женя упрямо торопил события. Он всегда был бузотером, с детства.

Когда учился в шестом классе, подобрал своих сверстников, и они написали большой плакат и приклеили его к проходящему поезду. Плакат был такого содержания: «Бедные дети Антропова! Им голодно, и молока нет!» Время застойное, брежневское, плакат обнаружили не сразу, поезд долго еще с ним шел и шел, но пацанов поймали быстро... («А чё нас было особо ловить? Мы сами всем хвастались... Ну досталось от родителей, учителей... Антропово — это наше село так называлось. И мы правду написали тогда».)

К отмене митинга 20 марта Женя относится плохо. («А как я могу к этому иначе относиться? Мои соседи, друзья, коллеги спрашивают: вы же сами призывали нас 30 января прийти на митинг 20 марта, а теперь как? В

кусты? Если действительно должна была быть кровавая разборка, давайте так и скажем, предупредим людей, и пусть каждый решает для себя: идти или не идти... От людей, конечно, нельзя ничего скрывать, но и у них за спиной мы не имеем права принимать решения и потом общаться с народом не напрямую, лицом к лицу, глаза в глаза, а через заявления для прессы... Беда и страны, и оппозиции — в расплывчивости, в невнятности... Вот Боос приехал к нам четыре года назад и пообещал, что через три года мы будем жить, как Польша и Литва. Понятно, что народ наш так не зажил, зато чиновники наши зажили еще лучше, чем в Европе. Или Боос это и имел в виду? При коммунистах у нас в городе было где-то порядка трехсот чиновников, и мы их критиковали, боролись с ними, а сегодня у Бооса их три с половиной тысячи. Они уже где только не сидят, во многих зданиях, во всех подсобках, чуть ли не на головах друг у друга... Один начальник отдела пишет письмо другому начальнику отдела и письма шлет по почте, а у них кабинеты рядом, дверь в дверь...»)

Когда Женя Лабудин узнал, что митинг на 20 марта отменен, он отнес в мэрию заявку на пикет. Это было утро 15 марта. Вечером того же 15 марта получил отказ.

«Потом нас с Володей Хабаровым по два раза вызывали в Центр борьбы с экстремизмом, по очереди стращали в разных кабинетах, мол, нашим пикетом обязательно воспользуются экстремисты и «сепаратисты», наши и даже из других стран... Я в ответ говорил: «Уважаемые! Да самые главные сепаратисты — это Лапин, наш глава администрации города, и Воропаев, управляющий делами. Они будят во мне самые низменные чувства. Тем, что так ничтожно мало делают хорошего для жизни людей». Потом начали стращать моего сына. Он в милиции служит, Миша Лабудин, двадцати четырех лет, окончил Балтийскую государственную академию, лейтенант, как одного из лучших его наградили вот недавно путевкой в дом отдыха... И вдруг — разборки! Мол, у тебя отец — негодяй, хулиган, не подействуешь на отца — уволим... Да как он на меня подействует? Мы давно разными семьями живем...»

Я каюсь в несдержанности, стараюсь стрелки на себя переводить... Вот на пикет пойду без радикальных лозунгов, не буду поддаваться ни на какие провокации... Но и молчать не буду...»

К шестнадцати часам с Костей Рожковым и Женей Лабудиным едем к зданию калининградского правительства. Там, в маленьком скверике, полтора года подряд каждую пятницу проводит пикеты против политики местных властей в области здравоохранения Михаил Чесалин, лидер калининградских «Патриотов России». Обычно на эти пикеты приходят человек пятьдесят — шестьдесят, не больше. А сегодня — двести тридцать. (Участница пикета Ирина Волошина лично всех пересчитала.) Популярность Михаила Чесалина в последнюю неделю выросла в разы. Он не согласился с другими членами оппозиционной коалиции — Константином Дорошковым, лидером общественного движения «Справедливость», владельцем и издателем газеты «Дворник» Арсением Махловым и депутатом областной думы Соломоном Гинзбургом — и продолжает требовать отставки губернатора.

На пикете знакомлюсь с Ирой Белоус и ее подругами. Они живут на улице Менделеева, в доме 2-4-6. Это — общежитие целлюлозно-бумажного комбината № 2. Когда-то был крепкий завод, потом его развалили. Сейчас еле-еле дышит, выпускает бумагу туалетную, салфетки и платочки носовые. Зарплаты маленькие, шесть тысяч рублей. В общежитии по указанному адресу (именно так: дом 2-4-6) живут пятьсот человек. Много пенсионеров, инвалидов, тех, кто по десять, двадцать, тридцать лет на заводе отработали. Вселялись в это общежитие люди, как в квартиры, ордера получали все как полагается...

«И вот пять лет назад нас как-то вмиг бросили в «социальное скотство». То вообще выселить хотели, выдать... То придумали «коммерческий найм», по которому мы за свои комнатухи должны были платить по девять-десять тысяч рублей. Мы через все суды прошли, вроде бы притихли с «коммерческим наймом»... Но вот на днях получаем квитанции: по новым тарифам ЖКХ платить по 30 рублей 20 копеек за 1 кв. м. То есть за небольшую комнатку — 3700 рублей в месяц... Пять лет боремся, кому только ни писали: и в Кремль, и полпреду Клебанову... Вот завтра придем на пикет, который Лабудин и Хабаров устраивают, может, там до кого докричимся...»

Мимо чесалинского пикета едут машины. И все как одна приветственно гудят.

NB! Каждую пятницу. Полтора года подряд. Шестьдесят пять пикетов. Под окнами областной администрации. И ни разу ни один чиновник к людям не вышел.

С пикета возвращаемся с Ирой Волошиной. Она — биолог по профессии, преподавала в университете, сейчас создает свою фирму.

«Нет, ни в какую кровавую резню 20 марта я не верю. Зря Дорошок отменил митинг. Мы — маленькая область. Всего 14 тысяч квадратных метров. Центр Европы. Рядом — Литва, Польша. Над нами летают самолеты НАТО. Пусть за городом, но собралось бы тридцать, пятьдесят, а говорят — и семьдесят, сто тысяч людей. Попробуй их убей! Да это разводка из разводок. Дорошка запутали. Боос его обыграл. Боос — старый опытный аппаратчик.

...Знаете, по квартирам ходят «засланные казачки» и угрожают людям, чтобы не вздумали завтра нигде митинговать, то есть рта открывать. Но люди все равно придут на сельхозярмарку у Дома Советов, и вы увидите — митинг случится там сам собой».

Поздний вечер. С Татьяной Михайловой, экологом и активисткой КГБ (Калининградский гражданский блок), идем в «оппозиционное логово» — офис «Патриотов России».

У Михаила Чесалина, как всегда, полно народу. В углу, как наказанные дети, стоят свернутые лозунги и транспаранты.

Чесалин — усталый и раздраженный.

«Нет, ни в какие кровавые разборки я не верю. Фантазии все это: батальоны «Зубра», ОМОНЫ. Нашу власть можно заподозрить в чем угодно, только не в том, что она хочет выбить мягкое кресло из-под своего собственного зада... Зачем ей это?»

Митинг на 20 марта отменен. Я считаю, это нарушение тех принципов, на которых создавалась коалиция... Нет, я не разочарован. Я достаточно взрослый мальчик. Но огорчение от несбыточных надежд есть.

После 30 января была создана площадка для переговорного процесса. Удалось добиться отставки министра здравоохранения госпожи Ключиковой. Пускай и «по собственному желанию». Уголовное дело по разгрому больницы рыбаков заведено. Но нам надо еще добиться, чтобы эту больницу восстановили, отремонтировали и переоборудовали за личный счет тех должностных лиц, кто виновен в ее разгроме. И мы будем устраивать пикеты, пока этого не произойдет...»

Мы разговариваем с Чесалиным в пятницу вечером, а двумя днями раньше, в 18 часов 10 минут в офис «Патриотов России» стала ломиться налоговая. Минут сорок тарабанили, кричали: «Плановая проверка». Чесалин дверь не открыл. Сказал: «Шлите письма». Рабочий день окончен, имел право...

Налоговики (если это были они) потоптались и ушли. И ни в четверг, ни в пятницу больше не появлялись. Кто-то дал им отбой?

При прощании Татьяна Михайлова мне говорит: «Буду ночью молиться. Чтобы завтра не случилось агрессии ни с той, ни с другой стороны».

День второй, суббота, 20 марта, утро

На сельхозярмарку (вместо отмененного митинга) у Дома Советов договорились прийти к часам двенадцати, не раньше. Время есть.

Очень маленькая парикмахерская. Две милые девушки. Тихая музыка. Маникюр стоит, кстати, раз в десять дешевле, чем в Москве, — 250 рублей.

«А я бы обязательно пошла на митинг, если бы он был. Мне кажется, на митинге вырабатывается какая-то общность, особая возможность для понимания, диалога, может быть, самоанализа с двух сторон... Должно же выстраиваться какое-то пространство, когда каждая сторона честная и старается всячески смягчить ситуацию и не рубить сплеча...»

О, какие продвинутые мастера в Калининграде. Жаль обе руки заняты, не могу записать, надо запомнить.

«Вот у меня муж два с половиной года жил в Москве, я к нему часто ездила, так у вас, в Москве, к подъезду дома можно подойти, а у нас — везде грязь страшная, у вас если тепло в доме есть, так это тепло, а у нас —

сплошные перебои, так за что нам повышают тарифы ЖКХ? Я понимаю, когда платишь за качество, а за бытовой уровень ниже минимума человеческого достоинства — зачем платить чуть ли не всю свою зарплату? Цены на продукты у нас московские и выше, мясо (правда, хорошее) стоит четыреста рублей, а зарплаты маленькие, кто десять тысяч получает — это хорошо считается...»

А другая девушка говорит: «А я так счастлива, что приехала сюда год назад, вы не представляете себе, как я здесь счастлива... Родилась и тридцать лет прожила в Киргизии. Русская, но никто не обижал, все было ничего, а потом такая жуткая жизнь началась. Разборки между севером и югом, нищета, а русские во всем виноваты... И вот год назад я по эмиграционной программе попадаю в Калининград, в город влюбилась сразу, у меня тут уже полно друзей, мы можем — раз, собраться и поехать в Литву пообедать, тут полчаса до границы, я за год и в Польше побывала, и во Франции, маму к себе перевожу, я очень-очень всем довольна...»

Вот: два мира в одной маленькой парикмахерской...

Полдень, сельхозярмарка

Посетителей меньше, чем продавцов. Цены не дешевле, чем в магазинах, качество — не очень... Торговли почти никакой. Странные стенды расставлены повсюду: «Сдача мандаринов в детские дома». Планировалась акция: покупать мандарины и давить их ногой или бросать куда-то разбивать. Чтобы было понятно, кто не в курсе: в Калининграде Бооса зовут Мандарином. Вчера вечером я сказала Михаилу Чесалину: идея давить мандарины мне не нравится, дикость какая-то... Чесалин ответил коротко: «Мне тоже».

Встречаю Алексея Шабунина, главного редактора газеты «Дворник». Пока мы с ним разговариваем, вижу, как какой-то милиционер снимает меня на камеру. Широко улыбаюсь. Милиционер прячется. Говорю об этом Алексею, он реагирует сразу: «Кто? Вот тот? Я его сейчас тоже сфотографирую».

Какая-то женщина хватает меня за рукав: «Простите, а где здесь будет митинг?» — «Митинг отменили». — «Как отменили? А я и не знала. Так спешила...»

Кто-то дарит мне мандарин. Нет, давить не буду, но и отказываться неудобно.

Вдруг подскакивает пожилой дядечка: «Вы лидеров оппозиции увидите сегодня? Так вот скажите им: как нам их понимать? Они отменили митинг, потому что там, за городом, нас могли бы, по их сведениям, потопить в крови, да? А кто бы это сделал? Власть, да? А теперь они, эти лидеры оппозиции, Дорошок, Махлов, Гинзбург, сидят на телемосте с этой властью в обнимку?.. Ну как нам это понимать? Спросите их об этом. Обещаете?»

Я обещаю.

Однако народ в какое-то почти одно мгновение начинает резко собираться. И явно не для того, чтобы купить килограмм картошки. Похоже, митинг таки будет.

И тут у Кости Рожкова звонит телефон: по дороге сюда задержали Женю Лабудина и Володю Хабарова. Ира Волошина (взволнованно): «Надо всем идти в милицию — выручать ребят».

А народ на ярмарку прямо уже ломится целыми рядами, шеренгами. Молодые люди в медицинских масках. Байкеры — мощной толпой. Милиционеры тоже вмиг самоорганизовались — проверяют на входе сумки. Но все мирно, без эксцессов с обеих сторон.

Начинается дождь, сначала мелкий и противный, потом — сильный.

И вот уже вся ярмарка — это один сплошной митинг. Нет ни торговцев, ни покупателей. Все кричат: «Бооса — в отставку!», «Путина — в отставку!». И поднимают вверх руки с мандаринами. Я не видела, чтоб кто-то мандарины давил. Но в руках высоко поднятых они были.

Милиционеры, я уже писала об этом в прошлом номере, никого не задерживали. По рации передавали громко, не скрываясь: «Стоим! Людей не трогаем!» Все это продолжалось часа полтора.

Пикет у Дворца бракосочетания из-за задержания его организаторов был сорван. Но вместо пикета случился митинг. По одним подсчетам, там было две тысячи человек, по другим — три, по третьим — пять тысяч человек.

Двумя часами позже на пресс-конференции Георгия Бооса иностранным и российским журналистам кто-то из зарубежных корреспондентов спросил губернатора: «Вы знаете, что сегодня на митинг все-таки собрались две

тысячи человек...» Боос тут же прервал — и горячо, запальчиво стал спорить: «Не две тысячи, а в два раза меньше...» Кстати, 30 января, когда на этой же площади у Дома Советов (только без сельхозярмарки) собрались десять тысяч человек, Бооса его люди уверяли, что всего пятьсот.

Бегу с митинга в гостиницу, передать записку в номер. Звонит мобильный. Это Женя Лабудин: «Зоя — я в РОВД». Голос не упавший и не радостно-геройский. Просто надо с кем-то поговорить. Я кричу в трубку почему-то одно: «Женя, будь выдержан, не дразни милиционеров...» Почему-то я не думаю, что милиционеры могут обидеть Женю.

Я знаю, что Костя Рожков и другие люди делают все, чтобы задержанных из милиции выволить. Но пока не получается.

Перед пресс-конференцией Бооса мы узнаем, что Хабарова из РОВД выпустили, а Лабудина еще нет. И Костя Рожков спрашивает Бооса: почему были задержаны организаторы пикета? Боос то объясняет, что митинг был отменен (ну при чем тут митинг, речь идет о пикете), то заявляет, что никакого распоряжения кого-то задерживать он не давал, наконец, обещает распорядиться — то ли разобраться, то ли освободить...

Лабудина действительно вскоре освобождают. Но в РОВД еще остается Вадим Хайрулин, его задержали аж в 10 часов 30 минут. Он вез плакаты на пикет, человек десять в штатском напали на его машину, повывали ручки старенького автомобиля...

После пресс-конференции встречаюсь с лидерами оппозиции. Разговор с Дорошком, Махловым, Гинзбургом очень тяжелый.

Пересказываю слухи в городе: Дорошка купили за 100 тысяч евро, Махлова — за два с половиной миллиона евро, а Гинзбург продан бесплатно... Дорошок горько усмехается: «А почему меня — всего за сто тысяч?» — «Ну Махлов, наверное, производит впечатление богатого человека...» — «А я почему бесплатно?» — пытается острить Гинзбург. «Ну на тебя чего деньги лишние тратить»... — «Ну да, генетически предрасположен...»

Господи! На самом деле совсем не смешно. Передаю, что говорил о лидерах оппозиции пожилой дядечка с ярмарки: «Только не обижайтесь, а послушайте внимательно...» «А чего обижаться! — говорит Дорошок. — У меня телефон разрывается: чуть ли не все подряд предателем обзывают...»

Но все трое настаивают: угроза кровавой разборки была реальной, никакого самообмана. Предупредили из очень надежного источника. Махлов: «За тринадцать лет в журналистике я научился отличать дезу от правды...» Дорошок: «Даже если шанс того, что должно было случиться, минимален, мы не имели права рисковать людьми».

В попку Дорошка, Махлова и Гинзбурга я, конечно, не верю. Жаль только, что они не смогли выйти к людям и внятно объяснить.

21 марта, воскресенье, раннее утро

Вместе с Вадимом Хайрулиным и Костей Рожковым едем к Татьяне Юрьевне Молоденовой, матери четырех детей, на Столярную улицу, дом 12/1.

Таня кормит двух совсем маленьких сыновей кашей. Старший сын (тринадцати лет) помогает маме убрать со стола. Двенадцатилетняя дочь к нам не выходит, стесняется.

В доме бедно, но чисто. Таня, печальась, рассказывает: «Четыре года назад к нам лично приезжал Боос со свитой, на «Лексусе». Обещал, что дом отремонтируют. Три года ждали... Но ремонт сделали тяп-ляп... Газовую плиту не дали, унитаз — тоже. Сказали, мол, тебе не положено... На мою просьбу о мебели: отдавай детей в детдом и не морочь нам голову. На четверых детей я получаю всего десять тысяч рублей, пока нигде не работаю, вот только грудью младшего перестала кормить, в детский сад младшеньких устроить не могу, там дикие очереди и взятки требуют... А в детдоме на каждого ребенка по 18—20 тысяч в месяц тратят, зачем же у родной матери детей отнимать?! Я почти четыре тысячи рублей в месяц должна платить за коммуналку, у меня уже долгов на 27 тысяч накопилось...»

У Таниной мамы было восемь детей. И она их всех вырастила. С помощью государства в том числе.

Было бы очень продвинутой манерой решения проблемы помочь Татьяне Юрьевне Молоденовой, проживающей в Калининграде по улице Столярной, дом 12/1. Всем помочь. И кто власть — и кто не власть.

Никакого противостояния тут нет.

...Не обязательно то, что может стать дополнением, должно становиться альтернативой.

Автор: Зоя Ерошок © Новая газета ПОЛИТИКА, РОССИЯ 👁 3959 24.03.2010, 17:57 📄 333

URL: <https://babr24.com/?ADE=84727> Bytes: 19522 / 19494 Версия для печати

 [Порекомендовать текст](#)

Поделиться в соцсетях:

Также читайте эксклюзивную информацию в соцсетях:

- [Телеграм](#)

- [ВКонтакте](#)

Связаться с редакцией Бабра:

[\[email protected\]](#)

Автор текста: **Зоя Ерошок**.

НАПИСАТЬ ГЛАВРЕДУ:

Телеграм: [@babr24_link_bot](#)

Эл.почта: [\[email protected\]](#)

ЗАКАЗАТЬ РАССЛЕДОВАНИЕ:

эл.почта: [\[email protected\]](#)

КОНТАКТЫ

Бурятия и Монголия: Станислав Цырь

Телеграм: [@bur24_link_bot](#)

эл.почта: [\[email protected\]](#)

Иркутск: Анастасия Суворова

Телеграм: [@irk24_link_bot](#)

эл.почта: [\[email protected\]](#)

Красноярск: Ирина Манская

Телеграм: [@kras24_link_bot](#)

эл.почта: [\[email protected\]](#)

Новосибирск: Алина Обская

Телеграм: [@nsk24_link_bot](#)

эл.почта: [\[email protected\]](#)

Томск: Николай Ушайкин

Телеграм: [@tomsk24_link_bot](#)

эл.почта: [\[email protected\]](#)

[Прислать свою новость](#)

ЗАКАЗАТЬ РАЗМЕЩЕНИЕ:

Рекламная группа "Экватор"

Телеграм: [@babrobot_bot](#)

эл.почта: [\[email protected\]](#)

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО:

эл.почта:

[Подробнее о размещении](#)

[Отказ от ответственности](#)

[Правила перепечаток](#)

[Соглашение о франчайзинге](#)

[Что такое Бабр24](#)

[Вакансии](#)

[Статистика сайта](#)

[Архив](#)

[Календарь](#)

[Зеркала сайта](#)